

УДК 159.9. + 316.6

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ ВИКТИМИЗАЦИИ,
РАЗРАБОТАННЫХ В РАМКАХ ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКИ**

О. О. Андронникова

**THEORETICAL ANALYSIS OF THE MAIN CONTEMPORARY THEORIES OF VICTIMIZATION
DEVELOPED WITHIN FOREIGN SCIENCE**

O. O. Andronnikova

В статье дан обзор основных зарубежных теорий виктимизации. Целью данной работы выступает потребность преодолеть вакуум информации о развитии виктимологии за рубежом и основных зарубежных подходов к исследованию виктимности человека. Рассмотрены концепции образа жизни, личностных особенностей и аномальных межличностных отношений. Выделены основные последствия виктимизации, определенные на основании концепции peer victimization. Обозначено, что характерные нарушения (низкая самооценка и снижение чувства собственного достоинства) происходит у всех участников виктимного процесса. Рассмотрены последствия разных форм запугивания в раннем и подростковом возрасте. Выделена специфика киберзапугивания как формы насилия. Обозначена роль теорий влияния пола, расы, возраста в развитии подходов к виктимизации личности. Раскрыт механизм вторичной виктимизации и эффект социального заражения. Обозначены теории, раскрывающие специфику виктимизации несовершеннолетних беженцев. Предложен анализ различных воздействия для предотвращения насилия среди сверстников младшего подросткового возраста и оценка их эффективности. Новизна анализа заключается в распространении зарубежного опыта в поле отечественной виктимологии.

The paper provides an overview of the main theories of victimization popular abroad. The work is aimed to overcome the lack of information about the development of victimology abroad, and the main foreign approaches to the study of human victimization. The author considers the concept of "the lifestyle/exposure theory", personal characteristics and abnormal interpersonal relations. The concept of «peer victimization» is presented as a basis for the consequences. The study shows that the characteristic disorders (low self-esteem and impaired dignity) are present in all members of the victimization process. The effects of various forms of intimidation in the early age and adolescence were studied. The specifics of cyberbullying as a form of violence are highlighted. The role of the theories of gender, race, age influence in the development of approaches to victimization of the individual is revealed. The mechanism of secondary victimization and the effect of social contamination are described. The theories revealing the specifics of victimization of underage refugees are suggested. The author proposes an analysis of various activities to prevent violence among young teenage peers, their effectiveness is evaluated as well. The novelty of the analysis lies in the dissemination of international experience in the field of Russian victimology.

Ключевые слова: теории виктимизации, виктимность, концепция peer victimization, киберзапугивание.

Keywords: theory of victimization, victimization, concept of peer victimization, cyberbullying.

Введение

Современная виктимология выступает как некая сквозная теория, проводящая комплексный анализ феномена жертвы, опираясь на общетеоретические представления и модели, изначально разработанные в русле других социальных дисциплин (криминологии, конфликтологии, психологии, политологии, теории государственного управления, социальной работы, социологии и психологии отклоняющегося поведения, девиантологии) [1].

Именно комплексность подхода создает уникальность виктимологии как научного направления, систематизирующего знания по формированию и функционированию человека в кризисных ситуациях, создающих угрозу для его физического, духовного и психического здоровья и определяющих возникновение некоего социально-психологического феномена – жертвы.

Активность развития виктимологии как отдельного направления исследования вызывает необходимость анализа и синтеза основных отечественных и зарубежных теорий, являющихся основами для рассмотрения процессов виктимизации и девиктимизации, составления виктимологического прогноза, планирования виктимологической профилактики. Однако в настоящий момент наблюдается вакуум информации, раскрывающей развитие виктимологии за рубежом и основных подходов к исследованию виктимности человека.

Основные зарубежные виктимологические концепции и теории

Анализ основных теорий виктимологии, выдвинутых зарубежными авторами, позволяет выделить несколько основных подходов [19]. Первый такой подход – теория образа жизни (the lifestyle/exposure theory), которая утверждает, что виктимизация серье-

ёзно зависит от общей концепции стиля жизни. Впервые данную теорию опубликовали Michael J. Hindelang, Michael R. Gottfredson and James Garofalo в своей книге «Жертвы персональной преступности: эмпирические основы для теории личностных виктимизаций» [7]. В работе очерчены социально демографические корреляты виктимизации на основе анализа статистических данных. В дальнейшем L. E. Cohen и M. Felson предложили объяснение возросшему количеству краж через близкую по сути и содержанию теорию «повседневной деятельности» (routine activity) [3]. В качестве отправной точки для объяснения преступления авторы определили следующие три необходимые условия: (1) мотивированный преступник, (2) подходящая мишень и (3) отсутствие достаточной охраны собственности.

Основой теории «образа жизни» являются несколько положений:

- неравномерность распределения виктимности во времени и пространстве, приводящая к возникновению мест или времени с высокой степенью риска виктимизации;

- вероятность возникновения виктимности через различные промежуточные переменные или действия, определяемые образом жизни;

- возможность виктимизации у тех, кто взаимодействует с жертвами [18]. Именно данная теория объясняет закономерности временного или территориального уплотнения ситуаций преступления.

Другая теория возникла из осмысления степени влияния самих пострадавших на виктимизацию – Victim Precipitation Theory. Основная идея данной теории заключается в том, что потерпевшие могут спровоцировать свою собственную виктимизацию. Впервые криминологическое заявление об этой точке зрения было сделано М. Вольфгангом в 1958 г. В дальнейшем данная теория получило свое активное развитие как за рубежом, так и в России. Необходимо отметить, что приверженцы данной теории доходили до крайности, полностью присваивая всю ответственность за произошедшее преступление жертве.

Кроме вышеописанных теорий в зарубежной литературе представлены такие, как: модель межличностной виктимизации, которая описывает насилие в межличностных отношениях жертвы, возникающее вследствие индивидуальных особенностей личности или аномальных межличностных отношений; модель насилия в семье, рассматривающая насилие как средство социально-экономических и образованных факторов (Conflict/Critical/Feminist Theory).

Достаточно много исследователей опирается на теорию виктимологического конфликта, основывающуюся на положении, что преследования правонарушителя исходит от попытки выражения господства и контроля. По мнению авторов, такие выражения господства и контроля проистекают из широких структурных диспропорций связанных с возрастом и/или полом [2]. Довольно часто такое насилие опирается на патриархальные общественные ценности, подчеркивающие главенство сильного и подчиненные слабого (особенно половым путем). Близка к этому пониманию и гендерная модель насилия как способ сохране-

ния власти мужчинами или более сильным над менее сильным.

Интересный подход к объяснению феномена жертвенности предлагает О. Цур, рассматривающий жертвенность через мученичество, дающее возможность получить внимание и одобрение окружающих [20].

Ещё один подход к явлению виктимности направлен на изучение такого эффекта, как «вторичная виктимизация» (second victim) [10]. Суть теории в получении виктимности через непосредственный контакт с жертвами преступления. В категорию с высоким риском «вторичной виктимизации» попадают профессионалы, оказывающие первичную помощь жертвам: врачи, психологи, социальные работники.

Концепция peer victimization

Громадное внимание в зарубежной виктимологии уделяется явлению «peer victimization» [2], описывающему специфику насилия со стороны сверстников. Особый интерес к данному явлению проявляют исследователи межличностного взаимодействия в рамках школьных отношений. Проблематичный характер взаимодействия сверстников в контексте «peer victimization» и серьезность последствий данного явления приводит к необходимости крайне внимательного отношения к процессам виктимизации. Исследователи выделяют следующие негативные последствия «peer victimization»: низкая самооценка жертвы, появление выученной беспомощности, депрессии жертв, снижение чувства собственного достоинства у всех участников виктимного процесса [11]. Отличительной особенностью «peer victimization» будет низкий уровень участия самой школы в предотвращении насилия между сверстниками. Максимально уязвимы для возникновения «peer victimization» является средняя школа, в период которой создается представление о себе, формируется идентичность и чувство собственного достоинства, в дальнейшем оказывающие влияние на всю взрослую жизнь.

Ещё одной формой, активно обсуждаемой авторами, является киберзапугивание (cyberbullying). Специфика данной формы насилия связана с использованием Интернета и мобильных телефонов, которые дают возможность анонимно оказывать психологическое давление на жертву. В настоящее время изучение виктимизации со стороны сверстников развивается в двух основных направлениях, выделенных Seely, Tombari, Bennett & Dunkle (2009). Первое направление рассматривает «школьную дедовщину» (bullying strand) как социальное явление в школе. Второе направлено на изучение взаимодействия между отдельными группами сверстников (peer relationship strand).

Реляционное преследование (relational victimization) определяется зарубежными авторами как воздействие, направленное на подрыв отношений или социальной репутации человека, его изоляцию, манипуляции и распространение слухов [5], также активно обсуждается среди зарубежных виктимологов. Авторы отмечают серьезность последствий для личности, участвующей в процессе реляционного преследования с обеих сторон.

Значительную область исследования занимают целевые группы виктимизации (Targeted Peer Victimization (TPV)). В рамках данной концепции изучают взаимосвязи насилия, с различными социальными явлениями и влияние его на формирование представлений о себе (self-schemas) [4]. Исследования целевых групп виктимизации (TPV) позволили выделить разницу между формами насилия оказываемыми на девочек и мальчиков, и определить дифференцированный спектр последствий (низкая самооценка, негативные представления о себе, выраженные депрессивные симптомы) насилия в зависимости от пола. Серьезное воздействие виктимизация оказывает на развитие поведенческих проблем в детском возрасте. По исследованиям J. Snyder и его коллег обнаружено, что дети, испытывающие психоэмоциональное давление со стороны сверстников, имеют значительно более выраженное количество поведенческой дезадаптации и поведенческих проблем [14].

Как значимый аспект нарушений, являющихся следствием реляционной виктимизации, отмечают нарушение социальных и познавательных процессов. Многие авторы обозначают, что в результате оказанного насилия возникают серьезные нарушения формирования социальной адаптации, базовых представлений о жизни и ожиданий со стороны социума. Дети, испытывающие насилие со стороны сверстников, рассматривают социальные взаимодействия как враждебные и часто отказываются от сотрудничества [8]. Вследствие пережитого насилия у детей возникает чувство социальной отчужденности и отсутствия включенности «Я» в «Мы». Социальная отчужденность и постоянное ожидание агрессии со стороны сверстников приводят к тому, что, попадая в новое окружение, дети, пережившие опыт насильственных отношений со сверстниками, вновь выстраивают насильственные взаимодействия. Эмоциональные нарушения, низкая способность к саморегуляции и чувствительность к межличностным конфликтам также объясняются в реляционной концепции виктимизации последствиями пережитого насилия.

Рассматривая последствия запугивания в раннем подростковом возрасте, R. Scholte с соавторами фиксируют, что привлечение специальных мероприятий, направленных на снижение издевательств среди сверстников, дает хорошие результаты [9]. Анализ различных воздействий для предотвращения насилия среди сверстников младшего подросткового возраста позволяет сделать вывод, что максимально эффективной выступает модель, разработанная Swearer и Espelage 2004 г. [17]. Модель показывает, что издеательства в школе происходят не изолированно, а являются результатом сложного взаимодействия между отдельными факторами: семья, сверстники, класс, социальные факторы. Данные исследования позволили перейти от концептуальной модели, сосредоточенной на индивидуальных различиях учеников, к которым применяется насилие, к анализу взаимоотношений во всём классе и окружающего дефектов общества (класса). Индивидуальные особенности ребёнка, являющиеся виктимизирующими его в одном классе, не становятся таковыми в другом.

К интересным выводам пришли исследователи по поводу участия детей в издевательствах. По результатам исследований следует, что многие дети, которые сами испытывали на себе элементы издевательств и травли, также участвуют в запугивании других учеников.

Объяснением этому служат исследования M. Sentse с соавторами, которые регистрируют влияние социального научения и подкрепления на формирование желания принять участие в издевательствах [12, с. 35]. Так подростки, активно участвующие в травле, часто получают за такое поведение ряд вознаграждений, например, за счёт увеличения социального статуса. Наблюдение за такой формой вознаграждения является серьёзным подкреплением для других подростков и основанием для принятия активного участия в агрессивном отношении к сверстникам. Таким образом формируется нормативное отношение к агрессивным физическим воздействиям и запугиваниям, являющееся фактором виктимизации, проявления агрессии и издевательств в отношении сверстников, имеющих индивидуальные отличия [6].

Достаточно много внимания в последние годы в зарубежной виктимологии уделено теориям электронных форм виктимизации (electronic bullying). Изучая распространённые использования коммуникативных технологий для виктимизации, исследователи пришли к выводу, что подобная форма становится проблемой для многих стран Европы. Дж. Сулер взвёл термин «online disinhibition effect», связанный с уникальными характеристиками коммуникативных электронных технологий, вызывающий желание проявлять агрессию безнаказанно [16, с. 14]. Анализ причин возникновения электронной виктимизации позволяет сделать вывод об их совпадении с традиционными: попытка продемонстрировать собственную власть.

В современной зарубежной литературе представлена много работ о виктимизации несовершеннолетних беженцев. Испытываемый травматический опыт, по мнению многих авторов (Ajdukovic & Ajdukovic, 1998; Sack, Him, & Dickason, 1999; Derluyn & Broekaert, 2007; Lustig et al., 2004) приводит к формированию посттравматического синдрома и связанного с ним высокого уровня тревоги и депрессии [13]. Необходимость приспособиться к новым условиям жизни, демографические, языковые и другие факторы увеличивают риск возникновения психопатологии и оказывают виктимизирующее воздействие.

Отдельно изучалась роль темперамента в формировании депрессивных и агрессивных синдромов вследствие виктимизации [15]. Проведённые исследования показали взаимосвязь между спецификой темпераментальных особенностей и глубиной, сформированных отрицательных переживаний, депрессивных синдромов.

Заключение

Таким образом, зарубежными исследователями предложен ряд концепций, в рамках которых реализуются различные подходы к проблеме изучения виктимного поведения. Все разработанные концепции и теории виктимизации, рассматривая различные факторы воздействия как основные, несомненно отмечают важность учета влияния микро и макросоциальных

факторов, таких как: принятые в обществе паттерны взаимодействия, специфика межличностного взаимодействия, особенности прохождения школьного периода, семейные влияния, наличия индивидуального опыта насилия. Современная ситуация развития теорий

виктимизации характеризуется полифакторным подходом к изучению влияния, однако не имеет общей концепции, способной соединить все существующие теории второго уровня в единую стройную концепцию.

Литература

1. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 72 – 73.
2. Brownmiller S. (1975). *Against our will: Men, women and rape*. New York: Simon & Schuster. P. 472.
3. Cohen L. E., & Felson. M. (1979). Social change and crime rate trends: A routine activity approach. *American Sociological Review*, 44. P. 588 – 608.
4. Cole D. A., Maxwell M. A., Dukewich T. L., & Yosick R. (2010). Targeted peer victimization and the construction of positive and negative self-cognitions: Connections to depressive symptoms in children. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 39 (3). P. 421 – 435. doi: 10.1080/15374411003691776
5. Crick N. R., Grotpeter J. K. (1996). Children's treatment by peers: Victims of relational and overt aggression // *Development and Psychopathology*. 8. P. 367 – 380.
6. Duffy A. L., & Nesdale D. (2009). Peer groups, social identity, and children's bullying behavior. *Social Development*. 18. P. 121 – 139.
7. Hindelang M. J., Gottfredson M. R., & Garofalo J. (1978). *Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization*. Cambridge, MA: Ballinger. P. 349.
8. Rudolph K. D., Troop-Gordon W., Flynn M. (2009). Relational victimization predicts children's social-cognitive and self-regulatory responses in a challenging peer context. *Developmental Psychology*, Vol 45(5). P. 1444 – 1454. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1037/a0014858>
9. Scholte R., Sentse M., & Granic I. (2010) Do Actions Speak Louder Than Words? Classroom Attitudes and Behavior in Relation to Bullying in Early Adolescence, *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 39:6. P. 789 – 799. Режим доступа: DOI: 10.1080/15374416.2010.517161
10. Scott S. D., Hirschinger L. E., Cox K. R., et al. (2009). The natural history of recovery for the health care provider «second victim» after adverse patient events. *Qual Saf Health Care*. 18. P. 325 – 330.
11. Seeley K., Tombari M. L., Bennett L. J., & Dunkle J. B. (2009). Peer Victimization in Schools: A Set of Quantitative and Qualitative Studies of the Connections Among Peer Victimization, School Engagement, Truancy, School Achievement, and Other Outcomes. *National Center for School Engagement*. 1. P. 13 – 46.
12. Sentse M., Scholte R. H. J., Salmivalli C., & Voeten M. (2007). Person-group Dissimilarity in involvement in bullying and its relation with social status. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 35. P. 1009 – 1019.
13. Smid G. E., Lensvelt-Mulders G. J. L. M., Knipscheer J.W., Gersons B. P. R., & Kleber R. J. (2011). Late-Onset PTSD in Unaccompanied Refugee Minors: Exploring the Predictive Utility of Depression and Anxiety Symptoms, *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 40:5. P. 742 – 755. Режим доступа: DOI: 10.1080/15374416.2011.597083
14. Snyder J., Brooker M., Patrick M. R., Snyder A., Schrepferman L., & Stoolmiller M. (2003). Observed Peer Victimization During Early Elementary School: Continuity, Growth, and Relation to Risk for Child Antisocial and Depressive Behavior. *Child Development*. 74(6). P. 1881 – 1898.
15. Sugimura N., & Rudolph K. D. (2012). Temperamental Differences in Children's Reactions to Peer Victimization, *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 41:3. P. 314 – 328. Режим доступа: DOI: 10.1080/15374416.2012.656555
16. Suler J. (2004). The online disinhibition effect. *Cyberpsychology and Behavior*. 7. P. 321 – 326.
17. Swearer S. M., & Espelage D. L. (2004). Introduction: A social-ecological framework of bullying among youth. In D. L. Espelage & S. M. Swearer (Eds.), *Bullying in American schools: A social-ecological perspective on prevention and intervention* (P. 1 – 12). Mahwah, NJ: Erlbaum.
18. Tunnell K. (1994). Predicting household victimization utilizing a multi-level routine activity approach // *Journal of Crime and Justice* 19(2). P. 49 – 66.
19. Wilcox P. (2010) «Victimization, Theories of» *Encyclopedia of Victimology and Crime Prevention*. Ed. Bonnie S. Fisher and Steven P. Lab. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2010. P. 978 – 986. SAGE Reference Online. Web. 6 Aug. 2012.
20. Zur O. (2013). Sacrifice, Martyrdom, Scapegoating, Suicide and Terrorism: Definitions, Differentiations and Resources. Режим доступа: Retrieved month/day/year from <http://www.zurinstitute.com/sacrifice2.html>

Информация об авторе:

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, andronnikovao@gmail.com.

Olga O. Andronnikova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.